

Острецов И. Н.

О личном. Статьи 2009 - 2012 г.г.

Игорь Николаевич Острецов

О личном. Статьи 2009–2012 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63787156

SelfPub; 2021

Аннотация

Представлена информация о послевоенной жизни детей и как они вошли во взрослую жизнь на моём примере.

Содержание

Мы с Павелецкой набережной	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Игорь Острецов

О личном. Статьи

2009–2012 гг.

Мы с Павелецкой набережной

Мы с Саввой Ямщиковым были близкими друзьями в начале нашей жизни, в школе, и через много, много лет, когда он стал известным всей стране искусствоведом-реставратором и общественным деятелем. Всю жизнь я его знал как Славу. Когда во время нашей первой встречи в 2006 году после долгой разлуки я спросил его, как же мне теперь его звать, он ответил: «Для тебя я всю жизнь был Славой, пусть таким и останусь». Поэтому в моих воспоминаниях пусть он будет не Саввой, не Савелием, а именно Славой, поскольку он вполне оправдал это своё детское и юношеское имя, завоевав всероссийскую известность, почитание и СЛАВУ.

В предисловии к моей книге «Введение в философию ненасильственного развития» он так описывает историю нашей дружбы: «Его звонок застал меня в дороге между Псковом и Михайловским. Пятьдесят лет меня никто не называл Славой. Это при поступлении в школу вместо означенного в метрике имени Савелий поспешили перекрестить ме-

ня в Вячеслава, ссылаясь на заскорузлую патриархальность бабушки Екатерины Ивановны, так не по-советски обозвавшей меня при крещении. Знали бы ретивые учителя, что и в ЗАГСе первоначальную волю бабушки, окрестившей меня Саввой в честь новгородского подвижника преподобного Саввы Вишерского, проигнорировали, думая, что Савелий – это полное имя от Славы. Для Игоря Острцова – моего одноклассника и соседа по баракам Павелецкой набережной, я все эти долгие годы оставался Славой. Не скрою, что тот звонок несказанно обрадовал меня и заставил на время забыть обо всех делах. Мы не виделись с Игорем с тех пор, как я поступил на искусствоведческое отделение истфака МГУ, а он – в легендарный физико-технический институт в г. Долгопрудном. В девятом классе целый год ходили мы вместе на лекции по математике и физике в университетские аудитории на Моховой, которые читали блестящие учёные. Игорь очень удивился, когда я сообщил ему о своём желании посвятить себя наукам гуманитарным, зная о моих способностях в точных науках. Но против судьбы не пойдёшь, ибо воля Бога всесильна и, как говорится, обжалованию не подлежит. С головой окунувшись в университетскую жизнь, познакомившись с новыми друзьями, не сразу вспомнил я о павелецком своём «дружбане». А когда однажды спросил свою старшую коллегу Люду Улазову, подсказавшую мне дорогу в историки искусства, давно ли видела она нашего соседа Игорька Острцова, узнал о его засекре-

ченности, связанной со стратегической важностью ядерной отрасли, в которой одноклассник занял с юных лет одну из ответственных ниш, принимая участие в разработке суперсовременных технологий. Встреча наша в Москве началась с того, что мы обнаружили полное сходство взглядов на современную действительность. Игорь, как и я, понимает чудовищную разрушающую роль либерастов-демократов, опустивших Россию до самых низших точек её пассионарного составляющего. Именно таких, как он, созидателей, бескорыстных творцов, влюблённых в свою профессию, чубайсовско-гайдаровская свора постаралась как можно быстрее уничтожить. Если в моей рабочей сфере властвовали мелкие диверсантишки, руководимые швыдкими и церетелями, то в архиважных институтах и научных центрах, возглавляемых Игорем и его коллегами, хозяйничали геростраты и жулики образца клебановых, кириенок и прочей проамериканской административной нечисти. Я узнал, что мой друг принимал самое активное участие в ликвидации последствий чернобыльской трагедии, получил сильную дозу облучения, приведшую к тяжёлому заболеванию. В то время, как я с Божией помощью преодолевал свой недуг, приковавший меня к постели, врачи родной мне Сеченовской медицинской академии боролись за жизнь Игоря. С их помощью и по воле Творца тяжелейшая болезнь отступила. Мой друг за последние годы сделал так много для решения острейшей проблемы человечества – обеспечения необходимой энергией всех

жителей планеты, а не только кучки хозяев денежного мешка, что заставило восхититься результатами его деятельности самых закоренелых наших «друзей» на Западе и вызвало мощнейшее сопротивление со стороны доморощенных руководителей атомной отрасли, делающих всё, чтобы не дать осуществиться и начать действовать уникальным наработками Игоря Острецова и его коллег. Но у талантливого учёного есть немало друзей, понимающих всю значимость его открытий. Главный же помощник в многотрудном и значимом деле Игоря Острецова – Бог, в которого он бесконечно верит. Книга его «Введение в философию ненасильственного развития» недаром получила поддержку и письменное одобрение Святейшего патриарха Алексия II. Откровения учёного заслуживают самого пристального внимания и изучения, ибо подсказывают людям самую короткую дорогу к совершенству и познанию Божественных заповедей. Заложены фундаментальные основы этой философии на нашей родной Павелецкой набережной, где мы научились любить Отечество и служить ему верой и правдой».

До школы я не знал Славу, хотя мы жили достаточно близко друг от друга. Наша улица, 3-й Павелецкий проезд, уходила перпендикулярно от Павелецкой набережной к железнодорожной станции Москва товарная Павелецкой железной дороги и затем почти под девяносто градусов поворачивала в направлении Даниловского монастыря, располагавшегося на другой стороне железной дороги. В начале 3-его Паве-

лецкого проезда, буквально в сотне метров от Москва-реки находилась наша школа, а напротив неё пивная, хлебозавод и картонажная фабрика. Дом Славы, небольшое деревянное одноэтажное строение, был рядом с железнодорожной станцией, а наш, двухэтажный деревянный барак, подальше на другой стороне улицы прямо за картонажной фабрикой. Оба наши дома были построены во время войны по чрезвычайно простым технологиям. Две стенки чёрных, грязных досок, пространство между которыми для сохранения тепла засыпалось шлаком, валявшимся везде вокруг, поскольку единственной тягловой силой на железной дороге тогда были паровозы. Дом Ямщиковых был совсем маленький. Жили они там, насколько я помню, одни и поэтому теплом обеспечивали себя сами всё тем же углём, которого тоже было сколько угодно. В нашем доме была коридорная система и что-то около сорока комнат и, соответственно, семей на двух этажах. Рядом с баракком была котельная. Удобства и у нас и у Ямщиковых во дворе. Очень неудобно, особенно зимой. Даже мы дети, не знавшие в то время других условий жизни, ощущали это в полной мере. Зимы тогда были гораздо холоднее, чем сейчас. В общем, по современным понятиям жили мы в трущобах. Матери работали по 12 часов в день. Отцы на фронте. Мы в детских садах. Я, например, в 44–46 годах после возвращения из эвакуации, когда мне было 5–6 лет, как более старший, водил 3-х летнего соседа в детский сад по полотну железной дороги к Павелецкому вокзалу. По-

этому выросли мы и начинали отвечать за себя рано. Уже в первых классах школы мы зачастую проявляли, что называется, сообразительность для обеспечения собственного выживания. Рядом с моим домом находилась площадка, на которую свозили трофейное оборудование с немецких заводов. Оно, естественно, нигде не использовалось и просто гнило под открытым небом. А недалеко от дома Ямщиковых была палатка по приёму цветных металлов. В школе нас было три близких приятеля. Были дружны, естественно, со всеми, но втроём были всегда. Мы со Славой и Юра Баринов, поступивший на год позже меня в физтех. Его, к сожалению, нет уже давно. Он умер ещё в начале восьмидесятых. Он, как и я, окончил физтех по специальности экспериментальная ядерная физика, но работал в Курчатовском институте по исследованию свойств различных материалов в мощных нейтронных потоках. Целыми сутками сидел на реакторе. В результате сильнейшая опухоль головного мозга. И вот мы трое лазили по трофейной свалке и добывали цветмет. В основном медь, латунь и свинец. Попадалась там и ртуть. И мы, сообразительные, натирали ртутью двухкопеечные медные монеты и старались всучить их вместо никелированных десятичек. Часто проходило. Но иногда получали по шее. Свалка охранялась солдатами. Однажды мы сидели на каком то станке и что то отворачивали. И вдруг видим – прямо к нам идёт солдат. По его решительному и злому виду не было сомнений в том, что он хочет с нами сделать. В то время к ро-

дителям отводить было не принято. Их просто невозможно было застать дома. Расправа проводилась на месте. Мы буквально застыли. Деваться некуда. Он идёт и смотрит прямо на нас свирепыми глазами. Нас спасло то, что из железяки торчал какой то стержень и солдат прямо лбом врезался в него и закружился на месте. В следующую секунду нас уже там не было. Самым успешным мероприятием из этой серии была находка в какой то машине здоровой чушки свинца, килограмм на сорок. Произошло это где-то в первых классах. Это была большая удача. За неё мы получили более пятидесяти рублей, которые мы называли «маленький Ленин» в отличие от большого, который печатался на сторублёвке. Для нас это были очень большие деньги. Ну и, естественно, гульнули. Гулять мы ходили пешком в Парк культуры и отдыха им. Горького. Это было довольно далеко. Но бесплатного проезда тогда не было. Надо было перейти через железную дорогу, мимо Даниловского монастыря, в котором тогда располагался какой-то склад, далее мимо Даниловского рынка на Шаболовку и потом к Парку. В Парке мы попили газировки, поели мороженого и перед возвращением решили искупаться в фонтане «Девушка с веслом», который располагался прямо рядом с главным входом в Парк. После войны это было обычное дело и никто этому не препятствовал. Было очень жарко и мы были в одних трусах. Юрка был врождённый интеллигент по духу, несмотря на то, что его отец, дядя Вася, глушил серьёзно, я «стесняющийся», а Славка

решил, чтобы не мочить трусы купаться голым. Он уже тогда на общественное мнение внимания обращал мало. Трусы он положил на ограждение фонтана. Когда мы вылезли из воды, трусов на месте не оказалось. И Славе замаячила перспектива идти через всю Москву совершенно голым. Но дело было не только в этом. В то время потерять фрагмент одежды было очень накладно, и он мог получить от матери по полной программе. Мы, естественно, предприняли грандиозные усилия по поиску трусов, пока нам не подсказали, что какие-то пацаны взяли их для того, чтобы надувать их и плавать. Они зажимали их на воде со стороны отверстий, образовывалось некое подобие пузыря и они, подложив его под подбородок, бултыхали ногами. Отдавать трусы они не хотели. Завязалась потасовка, но нам помогли сторонние ребята. Чувство справедливости тогда было развито. Да и Славка был здоровяк. Славка очень грустил по поводу того, что купался голый, а шёл домой всё равно в мокрых трусах. Подшучивать друг над другом у нас не было принято. Поэтому мы с Юркой ему сочувствовали.

Послевоенные годы были голодными. Есть хотелось и в детском саду и в школе. С точки зрения самообеспечения была у нас одна замечательная операция, которая надолго обеспечила нас дополнительной едой. Тогда нам было лет по двенадцать, тринадцать. Юрка жил рядом с хлебозаводом. Его хибара примыкала к забору хлебозавода. С хлебозавода потаскивали продукты через дыру рядом с участком, где сто-

ял Юркин дом. Однажды ночью мы устроили засаду рядом с дырой и, как только оттуда появился мешок, мы в него вцепились и подняли страшный шум. Злоумышленники бросили всё и умчались на территорию хлебозавода. В мешке оказалось полмешка муки и шматок масла. Дядя Вася был хозяйственный мужик. Возле его дома был сарай. Там мы спрятали добычу и, когда никого не было, жарили себе лепёшки на какой-то старой электроплитке.

Развлечений у нас было много. На свалке было много бочек с карбидом. Мы придумали забаву. Брели закрытую с одной стороны трубу, прожигали сваркой в котельной дырку в цилиндрической части около закрытого конца, и получалась натуральная пушка. Внутри трубы клали карбид, наливали воды, начинал выделяться ацетилен. Открытую часть трубы забивали деревянной пробкой и затем поджигали спичку около маленького отверстия. Стреляло не очень далеко, но шумно. В другом варианте кусок карбида клали в лужу, накрывали его консервной банкой с несколькими отверстиями в дне и на длинной палке подносили огонь. Банка долетала до второго этажа. Но однажды кто-то из старших ребят учинил злую шутку. У нас во дворе был туповатый парень. Звали его Швейкой. Ребята, поднося огонь к банке, держали его всё время немного в стороне. Поэтому банка не взлетала. И кто-то сказал Швейке, чтобы он пошёл и посмотрел, в чём там дело. Как только он склонился над банкой, огонь поднесли к ней и она взлетела вверх, ударив Швейку по лицу. Хо-

хота, рёва и кровищи было много. Но такое случалось редко. В драках было железное правило – «до первой кровянки и лежачего не бить». Злобы не было.

Никакой музыки у нас, естественно, не было. Поэтому популярен был эпистолярный жанр. Хулиганские стихи типа: «Рано утром встали звери, потянулись, поп – ели и, решив, что хватит спать, все отправились гулять. И т. д. и т. п.» или «На Арбате в детском саде раздаются голоса, такой-то, такой-то, отдай игрушку, а то выкалю глаза». Всё это считалось хорошим детсадовским воспитанием. Ямщиков много, но не понятно откуда, притаскивал таких штучек. Возможно, иногда творил сам. Но тогда этим хвастаться было не принято. Моя сестрица Ирина часто пикировалась с ним и считала его весёлым трепачом. «У тебя Славка, не поймёшь, когда ты врёшь, а когда говоришь правду» – часто повторяла она. Он вообще был остр на язык. Помнится, на какой-то смех в свой адрес, он выдал: «Что ты ржёшь, мой Буцефал, что ты свой роняешь кал?». Он придумывал очень хорошие прозвища нашим одноклассникам. Например, у нас в классе был Генка Краюшкин, большой любитель поковыряться в различных механизмах. С подачи Славы его прозвали Шпендер-часовых дел мастер. Отец другого мальчишки был как-то связан с Монголией. Поэтому у него иногда появлялись шмотки. Слава приклеил ему прозвище Алала – монгольский пижон. В соседних классах учились два парня с кавказской внешностью. Он их звал Гоги Мония и Дёма Гогия. Во-

обще гуманитарный склад ума у него проявился очень рано. Но в наше время и в нашей среде в моде были точные науки. Было начало пятидесятых годов. Время стремительного развития страны. И Слава, в соответствии с модой, вплоть до самого окончания школы тоже декларировал свою приверженность к точным наукам.

Он умел блеснуть и произвести впечатление. Однажды мы попали на футбол между нашей и английской сборными на Динамо. После матча английские футболисты вышли поговорить с русскими болельщиками. Слава языка конечно не знал. Какой язык в то время. Но он сразу подошёл к английской звезде, защитнику Билу Райту. Положил ему руку на плечо и произнёс: «Bill Right is a good player!» и сразу стал центром всеобщего внимания. Нашлись те, кто мог как-то говорить по-английски, но Ямщиков уже руководил процессом общения и был в центре событий. На занятиях по английскому в школе он тоже был часто оригинален. Например, слово упражнение (exercise) он демонстративно произносил побуквенно: е-хер-сисе, чем постоянно травмировал нашу уважаемую англичанку. Были, конечно, и маде ин уср и фэйсом по тэйблу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.